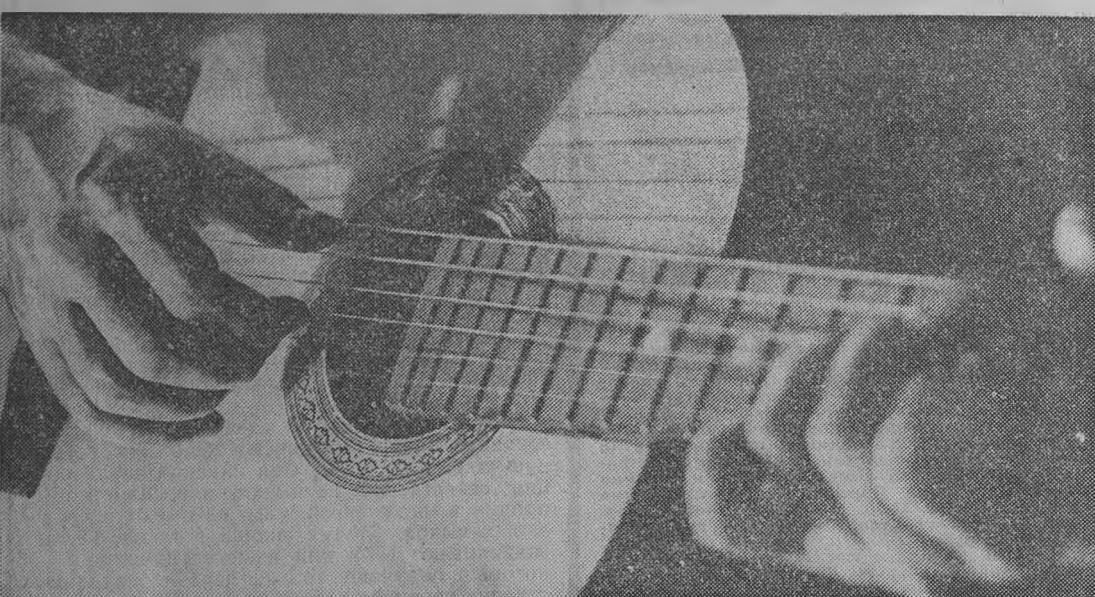

Александр Галич и авторы-афганцы

ФЕНОМЕН ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

ОДНОЙ из абсолютных особенностей восприятия произведений искусства является изменчивость во времени этого их восприятия слушателями, зрителями, читателями. Знания и опыт, накапливающиеся у человека, вносят свои коррективы в изначальные представления, иногда помогая обнаружить в явлениях искусства новый смысл, созвучный новой действительности, иногда же перечекивая их как ложные. И если художественный образ все же способен в силу своей объективности во всех ситуациях оставаться «на плаву», как бы круто ни менялись глобальные течения истории, то публицистические произведения такой устойчивостью обладают в гораздо меньшей степени. Хорошо, если их опорная мысль окажется вечной: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала», а если нет?

Сразу заострю тезис: например, некий политический деятель вполне искренне воспринимался и декларировался поэтами как отец страстных народов — и песен по этому поводу было не счесть. Ужасные и удручающие чувства и сознание факты привели затем к пониманию кровавой, трагической роли этого деятеля в истории как нашей страны, так и мирового коммунистического движения — и появились произведения (и будет их все больше), беспощадно изобличающие тирана. И где, спрашивается, находятся сейчас песни первой поры? Разве что те, «кто не может поступать принципиально», возрождают на своих собраниях песнопения типа «О Сталине мудром, родном и любимом».

Смена жизненных акцентов, как видим, радикально меняет общественную ценность произведений, базирующихся исключительно на публицистически заостренной мысли. Во всех этих пульсациях заметна общая закономерность — последующее переосмысление совершается тем резче и категоричней, чем более предвзят и односторонне оценивались явления первоначально: ведь в конечном счете человеческое понимание стремится к объективности, ибо человечество нуждается в истине, обмен для него слишком нагладен.

Говорю об этом столь пространно потому, что меня весьма беспокоит то бездумное, а может быть, фанатически целеступренное раскачивание маятника общественного мнения, которое сейчас происходит с наследием поэта, одного из самых видных создателей и исполнителей авторской песни — Александра Галича. Как литератор я высоко ценю его поэтическое мастерство, его удивительный дар барда — автора и исполнителя собственных талантливых песен, его гражданскую непримиримость к тому, что принесло и продолжает приносить нам столько бед. Как издатель я приложил все усилия, чтобы в том «Авторская песня» Большой серии «Библиотека поэта», который сейчас находится в работе, творчество Александра Аркадьевича Галича было представлено достойно и многогранно.

И именно это уважение к его бесспорному и своеобразному таланту должно побуждать нас не к разрушительным колебаниям слева направо, сверху вниз, но к спокойному и всестороннему рассмотрению. Желательно — в достаточно широком контексте, чтобы яснее увидеть объективные закономерности жизни излюбленного им жанра — публицистической песни.

Его песни негативны в своих основных посылах. Существует немалый слой публицистических песен, напротив, несколько позитивных. Они сложены бойцами-афганцами. После появления в 1987 году в издательстве «Молодая гвардия» прекрасно подготовленной Петром Ткаченко книги «Когда поют солдаты» (современное самостоятельное песенное творчество советских воинов, выполняющих интернациональный долг в Афганистане), после издания в 1988 году фирмой «Мелодия» комплекта из четырех больших пластинок под общим названием «Время выбора» нас, после выхода в свет в Воениздате в 1988 году тома, названного Петром Ткаченко так же, как этот альбом: «Время выбора» нас (песни, рожденные в Афганистане), после нескольких передач ЦТ творчество авторов-афганцев стало доступным советским слушателям. Да, с точки зрения поэтического таланта, различие здесь весьма заметное, но с точки зрения жанрообразующей, это величия — однопорядковые: и в том, и в другом случае песни или стихотворение сложены во имя утверждения кристально ясной для автора идеи, господствующей тенденции. Сравним же. У «афганцев»:

Мы клятву Родине храним И за ее покой в ответе. В Афганистане мы стоим. И, весте, песня лишь об этом.

(Концовка песни «Скритыя солнце на горах»). С другой стороны, у А. Галича:

Доступно кушать сласти И газировку пить. Лишь при Советской власти Такое может быть!

(Концовка «Баллады о сознательности»). Для афганцев Советская Родина — средоточие смысла их жизни. Для А. Галича — сре-

Остановиться, оглянуться... Именно эти слова приходят в голову, когда наблюдаешь воистину страшные шорохачи нашей нынешней общественной мысли из одной крайности в другую, когда достаточно лишь поменять прошлый знак на полярно противоположный, чтобы прослыть «прогрессистом». Нудно как просто: раньше был перст уязвующий для произведений искусства. Дать его свободное развитие ныне на коммерческих началах. А преуспевающие капиталистические державы тем временем не позволяют стихии чистогана захлестнуть издание серьезных книг, учебной литературы, симфонические оркестры и оперные театры... Как говорится, и т. д., и т. п.: чего ни носился, всюду оголтело вершит свой суд плоскостное мышление, господствуют однозначные оценки, которые столько вреда уже принесли как в прошлые десятилетия, повсеместно царит метафизика, пресуду — забвение противоречий диалектики, пренебрежение многообразием реальной, не иллюзорной жизни.

Лично мне беспредельно надоели эти детские по умственной сути, но весьма грозные по формам своего проявления шорохачи. Судите сами: в 1955 году была рожена под югом моя книга «Наша жизнь, наша литература» из-за главы «Сильные и слабые стороны повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Мотив? Не было в этой повести сильных сторон! Уверен, что сейчас, на фоне всеобщего амитажа, данная глава не пройдет в печать с прямо противоположной формулировкой. И еще четыре другие книги и немало статей либо вовсе не увидели света, либо на многие годы были задержаны по аналогичным мотивам... Это лишь у Льва Толстого и Федора Достоевского могли быть поиски и противоречия, у наших же авторов все однозначно, однолинейно. Нет, я говорю о делах не только давно минувших дней: так, например, в 1972 году юное издательство открыло миру рукопись из-за того, что в ней была высказана в целом позитивная оценка творчества А. Галича, а ныне оно же готово отвергнуть ее из-за содержащихся в рукописи критических суждений в адрес этого поэта. Так сколько же нам пребывать на подобном зачаточном-примитивном уровне, впрочем отскан из исследования все, что не шлепает в ногу с модой, с массовыми эмоциями? Не пора ли входить уже в возраст зрелости? Наше многоложное время требует действительно ответственной работы, в том числе и от тех, кто трудится головой. Я постараюсь доказать этот тезис на столь изменчивом материале, как жанр современной публицистической песни.

ПЕСНИ

доточие всех мыслимых и немыслимых нелепостей. В цитированной балладе повествуется о том, как Егор Петрович Мальцев, нищий советский обыватель, безнадежно больной диабетом, услышал, находясь на смертном одре, «краснознаменный хор»:

Центральная газета Оповестила свет, Что больше диабета В стране советской нет! Поим, что с этим, кореш, Нельзя озорничать, Поим, что ты позоришь Родимую печат. И сел товарищ Мальцев, Услышав эту речь. И жмил, его из пальцев Не стала больше течь.

Вполне объяснимо, что афганцы могли складывать лишь те песни, которые помогали им жить и воевать в условиях экстремальных в обстоятельствах, далеких от той благой картины, которую рисовала вначале наша пресса. Официальная версия этой крайне непопулярной акции бржежневского руководства проигнорирует ее реальному историческому смыслу. Но афганцы-то лично действительно с героической отдачей выполняли интернациональный долг! Они-то лично действительно сталкивались с удручающей шпешей и забитою населения в кишлаках, встречались с безмерной жестокостью щедро снабжаемых из-за рубежа душманов по отношению к беднякам-деханам, учителям, лодьяным муллам, для них-то лично понятие классового боя был не афмерной страничкой для зачета на степидию, но кровавой явью и реальностью.

Отсюда — культ благородства своей страны в их песнях и воспевание героев, свято исполняющих свой интернациональный долг.

...Свинцовые трассы летели В его нежеланную гряд. Отметив рубцами на теле К бессмертию пройденный путь.

Заметим: к бессмертию! Не случайно же в песнях афганцев не раз вспоминается Александр Матросов, недаром они видят свою пряную преемственность с тем, кто воювал в Великой Отечественной. Они это видели так, и их песни эту связь выражают.

Мальенькая «музыкальная заставка» перед аналогичными раздумьями об А. Галиче: 15 ноября 1987 года в 11 час. 20 мин. радиостанция «Маяк» передала запись самостоятельных песен, прозвучавших... из космоса. Дело в том, что космонавт Юрий Романенко в полете научился играть на гитаре и начал слагать песни. Он создал двадцать две «экспиментальные» песни — своего рода странички из дневника. Некоторые из них он, напел для нас, и на всю Вселенную прозвучало:

Под комплексом «Мир» Удивительный мир, Его не увидишь Из окон квартир!..

Сегодня очевидна абсурдность всесторонности А. Галичем всего и без исключения советского, например того, что именно Советский Союз стал первопроходцем человечества в освоении космоса...

Советский Союз как империя мирового зла — с этой концепцией вынужден был расстаться и сам ее прародитель, консервативный американский президент, поскольку она не укладывалась во всю совокупность фактов. Спрашивается: насколько же будут прочны во времени те художественные создания, которые базируются именно на подобной платформе? Любая очистительная сатира должна опираться на позитивные убеждения автора, подобно тому, как действия хирурга, отторгающего ножом те или иные изгнившие органы, исходят из представлений об идеальном организме, иначе больной может быть попросту прирезан... Какова же была реальная программа А. Галича? Очень сомневался в том, что ее можно назвать просто общечеловеческой, гуманистической платформой. На прямой мой вопрос о его программе, обращенный к нему на нелегальном съезде авторов и активы клубов самостоятельной песни 20 мая 1987 года в Петушках, он лукаво ответил: «Это только у больших писателей, например, у Льва Толстого, есть идеалы, есть позитивный взгляд. А мы — люди маленькие, что видим, то и говорим, чем недовольны, то и высказываем». Однако, когда я, опираясь на опыт истории литературы, вполне неуживо не согласился с самой возможностью подобной бесконцепционной платформы и спросил: «Ну ладно, все дружно шагали в ногу обрубим мост, но во имя чего? Какое у вас опорное слово?» — Александр Аркадьевич вспынул и резко бросил одно только слово: «Февраль». Те, кто присутствовал в подобном поведении охотничья при этом диспуте, восприняли его ответ более чем сдержанно, так как для нас при всем неприятии трагических извращений, связанных с культом Сталина, определяющим было слово «Октябрь». Осердясь, очевидно, на себя — за свою откровенность и на нас — за отрицательную на нее реакцию, Александр Аркадьевич задал гневный вопрос присутствующим: «А вот вы: пишете ли такие песни, как я сейчас? Нет? Тогда все ваше творчество...!» Не могу сказать, что собравшиеся в Петушках с добрым восприятием эту его оценку бардовской песни.

Не буду впадать сейчас в абстрактные изыскания относительно исторической возможности для России двинуться в 1917 году путем буржуазно-республиканского развития? Октябрь стал возможен именно потому, что вставшие после Февраля у кормила власти бывшие либералы капиталистического толка очень быстро озанменовали свое пришествие массовыми кровавыми действиями, расстрелом мирной демонстрации, стремлением продолжить убитую империалистическую войну и полным нежеланием изменить бедственное положение крестьян и рабочих. Конечно, при желании можно забыть и это, и все другие конкретные обстоятельства отечественной истории вплоть до того, что в Октябре было создано многопартийное правительство, и не по вине большевиков оно стало однопартийным, забыть, что победа в гражданской войне крайне малочисленной тогда партии большевиков была одержана лишь потому, что вся громада народа признала правоту именно их взглядов, и многое другое. Это политическое отступление, на мой взгляд, является в данном случае оправданным, так как разговор идет о песне преимущественно политической и о таком ее условии долготельства, как истинность изначального постулата, заложенного в ее основание. Опыт показывает, что слабость фундамента раньше или позже сказывается на устойчивости и всей постройке. Кстати говоря, известно, что бунтарь А. Галич по горло «наелся» закордонной действительностью и перед своей трагической смертью не раз говорил все, что о зарубежных порядках думает.

Снова и снова повторюсь: ни в коем случае не шел бы я против течения и не вносил бы критическую ноту в праздничный разговор о вернувшемся в нашу общественную жизнь крупном таланте, напротив, писал бы о нем спокойный положительный обзор, если бы не беспокоил меня возникший сейчас экстаз, временами похожий даже на фанатический, совершенно чуждый объективности. Мне непонятно: какой смысл закрывать глаза на то, что реально существует? Зачем старательно обходить факты, которые не устраивают нас в данный момент? Затем, что именно подобной односторонности нас со всем тщанием учил отец народов и мы оказались прилежными и памятливыми учениками?..

Напомню, к примеру, что в 1964 году студия «Мосфильм» выпустила кинофильм «Дайте жалобную книгу» по сценарию А. Галича и Б. Ласкина (режиссер Э. Рязанов). Вот аннотация этой сладкой вещицы, душевной по I программе ЦТ, в изложении еженедельника «Телевидение и радио» от 7 января 1989 г.: «Герой кинокартины — корреспондент молодежной газеты Юрий Никитин. Однажды вместе с друзьями он пришел в ресторан «Одуванчик», имевший дурную славу. Здесь грязно, готовят невкусно, грубят. На молодого директора ресторана Татьяну Шумову многие пишут жалобы. А журналист, которому понравилась симпатичная Шумова, решил не жаловаться, а помочь сделать ресторан образцовым молодежным кафе...»

Спрашивается: ну и что такого? Произошла трансформация воззрений, честь и хвала автору! Еще будете вспоминать его романтико-патристический фильм «На семи ветрах» с песней А. Галича о верности воинской присяге (1962), или, лучше того, комедию «Верные друзья» (1954), или повесть «Вас вызывает Таймыр» (1947)!. А то еще вспомните его популярные комсомольские песни, где пелось, например:

Все, что с детства любил и хранил, Никогда врагу не отдадим! Лучше сложим головы в бою, Защищая Родину свою!..

Нет, за это кто же посмеет осудить: почти не было в годы до XX съезда таких советских писателей, которые в мажорном стиле не писали бы о нашем прошлом, современности и будущем, и если А. Галич раньше других прозрел — честь ему и хвала.

Но вот что сильно смущает в творчестве и самого Галича, и не меньше в стараниях его восторженных библиографов: духовно прозрев после XX съезда КПСС, то есть после 1956 года, когда он, потрясенный открывшимися ему безднами, начал создавать свои песни, которые носят отчетливо антикультульный характер, Александр Аркадьевич одновременно продолжал создавать и печатать свои сладкие, романтичные, официально-патристические произведения...

Вот ведь в чем дело: по законам неисповедимым, но тем не менее действующим, отсутствие целостного взгляда, организующей искренности — также не лучший скрепляющий раствор все в том же глубинном фундаменте поэтического творчества.

Любимый всем нам Ю. Ким так-то вот изычно прославлялась вдоль этого феномена: «...однажды, еще продолжая сочинять свои талантливые песни и киносценарии, благополучный сорокалетний советский драматург поустовал за своим плечом другую музу и не отшатнулся, не отверг. Напротив, представил ей главное свое время и лучшее свое перо...» (Юрий Ким. Две музы. «Аврора», 1988, № 8, с. 91).

Вот как на деле выглядел период «равновесия» двух муз: с одной стороны, песня в «Комсомольской правде» под названием «Руку дай, молодость моя», с другой — «Спрашивайте, мальчики, спрашивайте», с одной — песенки из сценария «Добрый город» в «Неделе», с другой — «Старый вальс», с одной — песенка «Дождем в той же «Неделе», с другой — «Облака плывут, облака», с одной — стих в «Сельской молодежи» «Дорогой мой человек» и «Добрый вечер» в «Крестьянке», с другой — «Товарищ Парамонов» и «Право на отдых» и т. д. и т. п. Уж очень это походит на аналогичную ситуацию, возникшую в творчестве другого литератора примерно в это же самое время: он однове-

В сентябре 1961 года в Ростове шли съемки фильма «На семи ветрах» по сценарию Александра Галича. Тогда же был сделан и этот снимок, где А. Галич зачитывает с молодыми тогда актерами В. Тихоновым, Л. Быковым и другими известными сегодня артистами театра и кино. Фото С. Гурвича.

менно напечатал две большие статьи — одну в Союзе о Максиме Горьком как об основоположнике советской литературы, другую — за рубежом (правда, под псевдонимом) о Максиме Горьком как погубителе советской литературы. Также, деликатно выражаясь, служение «двум музам»?.. Образец нравственности? Замечу, что и Б. Окуджава, и В. Высоцкий всегда служили одной музе.

Между тем сам Александр Аркадьевич еще в 1967 году ответил на этот вопрос много проще и естественно, когда на упоминавшемся уже съезде в Петушках я задал ему соответствующий вопрос: «В самостоятельной песне (тогда термин «авторская» мы еще не пользовались — Ю. А.) самое ценное — искренность. Так где же настоящий Галич — в мажорных комсомольских песнях в сценариях, удачно вписанных в шедрую официальную хвалу, или в этих одновременно сочиняемых лагерных песнях? Понимаю, что прямота вопроса была неэтичной, но прошлого назад, как говорится, не вернуть. Александр Аркадьевич, очевидно, от этой несправедности на миг растерялся и ответил: «Так жить-то надо...»

И еще раз повторю ввиду особой важности: глубинная искренность (или же головная заданность) автора раньше или позже проявляется в песне подобно тому, как постепенно выходит наружу под влиянием реактивов изображения на экспонированной фотопленке. Думаю, время все проявит, очень точно отделив искреннее в его творчестве от рационально сконструированных гомункулосов. Но следует ли нам заранее быть столь уж всеядными?

Здам еще одна неудобный вопрос, на этот раз обращенный к исследователям творчества и биографии А. Галича, напроць обиденный в половине исследований, появившихся во второй половине 80-х годов: является ли фактом для понимания творчества А. Галича его работа на американской радиостанции «Свобода» в Мюнхене и в Париже? Проходит ли здесь тезис о том, что А. Галич из-за рубежа боролся... за перестройку?.. Не знаю, но очень в этом уверен, так же, как совершенно не уверен, что быстрое его обнищание с НТС, открыто профессорской антисоветской организацией, свидетельствует о высоте именно перестроечных идеалов.

Так же, как все, что пишет о нем сейчас, я уверен, что выдренное его из Союза было насильственным. У меня нет сомнений в трагических метаниях его мысли и поисках за рубежом, но возможен ли сколько-нибудь серьезный художественный анализ творчества поэта при полном и абсолютном замалчивании «неудобного» вопроса? Время все равно потребует истины и маятника (точнее, строительная «баба») двинется в обратную сторону, с разгона круша на сей раз возвысившую репутацию. Кому выгодно, кому нужны такие «игры» с замалчиванием? Истинным любителям авторской песни? Сомневался!

И еще один вопрос из серии непрямых: с какой целью и ради чего принимался ныне издавать его с весьма выразительными купурами в тексте? Для чего приглаживают? Опять-таки не во имя истинной картины! Вот только один из весьма выразительных примеров. В № 17 еженедельника «Семья» за 1988 год Н. Крейнер опубликовала фрагменты из поэмы А. Галича «Надеш» (в сборнике, изданном «Посевом», она озаглавлена «Надиш»). Названию дается объяснение: «Надиш — это еврейская поминальная молитва, которую произносят сын в память о покойном отце»). Поэма посвящена памяти великого польского писателя, врача и педагога Гнуша Корчак, погибшего вместе со своими воспитанниками из варшавской школы интерната «Дом сирот» в Трельбине. Ни у кого не может быть сомнений в бессмертном подвиге великого гуманиста, отказавшегося от освобождения и добровольно отправившегося с детьми на смерть в нацистском лагере смерти. Но ведь что делает Галич: этот человеческий подвиг, эту великую трагедию, порожденную фашизмом, он использует как повод для изливания своей неимоверной неприязни к... послевоенной Польше!

«Лучше быть мертвым, чем красным» — это присловие нам известно, но разве не являются его поэтическим переводом строфы, которые стыдливо опущены в публикации?.. Не собираюсь спорить с любителями полуправды: их ничто не учит, они все равно не поймут, что правда не должна угодливаться докам, которые можно выдать со склада по полкубометра. Профессиональный уровень нынешних полонизированных для меня ничем в принципе не отличается от полонизированных прежних: те умалчивали нечто (глаги) ради достижения одних целей, эти умалчивают ради достижения целей других, но во всех случаях обделенной остается правда, замедленным оказывается путь многоаспектного понимания. Не стану даже его уличенных перекрестки и явную предвзятость не в текстах самого А. Галича, ни в текстах его увлеченных публикаторов и комментаторов — время само все поставит на свои места. Обращусь к более благодарному делу. К тем особенностям творчества А. Галича, которые являются шедрым вкладом в авторскую песню, в советское искусство в целом.

Что позволит сохраниться, на мой взгляд, в лучшем песням, созданным афганцами? Их вера в такие истины и ценности, которые не могут быть размыты никакими набегающими и уходящими политическими волнами и течениями. Это любовь к Родине и любовь к женщине, это чувства воинского долга и мужского взаимовыручки. Досадно, что на бумаге можно воспроизвести лишь текст — лишь одно из составных слагаемых песни. И даже если рядом напечатать нотные строчки, разве они передадут своеобразные исполнительские манеры авторов, их интонацию, их неповторимую манеру обращения к слушателям и реакцию этих слушателей? Хорошо бы дать звуковое сопровождение хотя бы на гибкой пластинке, это уже передаст бы неповторимую пронзительную интонацию, когда страсть манеры значит подчас больше, чем обыденность слов, но ведь и пластинка не способна воспроизвести мимику автора, его жесткую линию, взгляд его глаз во время исполнения. Эти песни должны идти к массовому слушателю через яркий видеоряд!

Мы тряслись на бэтэрах, Нам небо служило палаткой, И недолго под звездами Твердым законом нам стало: Не искать на земле жизни сладкой... За этой последней формулой не только личное, выношенное убеждение, но и большая правда общечеловеческого опыта.

Мы вспомним, ребята, Как пели когда-то Под лампочкой тусклой Скупой огонек. Как трудно мы жили, Как в горы ходили, Где каждого каждый Хранил и берег.

Эта иониковая — общий закон жизни и вместе с тем твердый личный опыт. Безусловно, особенности поэтики афганской песни должны стать предметом особого изучения — в широком контексте закономерности человеческой психологии, общественной действительности, искусства.

Что безусловно позволит сохраниться также публицистическим по своей природе лучшим песням, созданным А. Галичем? Их глубочайшее неприятие тех пороков и недостатков, которым не будет реабилитации в истории человеческой нравственности. Это прежде всего тоталитаризм как всеподавляющая и всеохватывающая система общественного устройства. Это — холуйское служение административно-командной системе на любой из ступенек ее иерархии, от палача в концлагере до высокопоставленного чиновника, расценивающего любой шаг художника в сторону от заданной линии как побег. Это — тупое и корыстное обывательство, которому все равно, что исповедовать, лишь бы потрафить своему животному естеству.

Сарказм, ирония, сатира, гротеск, изредка смех — словом, вся палитра уничтожительных и уничижительных средств была мастерски использована поэтом в стихах, стихотворных диалгах, поэмах. Его первая книга «Песни» увидела свет в ФРГ в 1969 году (в предвудекомленни к ней было сообщено, что А. Галич-де отсидел двадцать лет в лагерях), позже, в 1972 году, дополненный и выпранный при непосредственном участии автора сборник «Поколение обреченных» увидел свет там же. Думается, вполне приспела пора издать сборник его лучших произведений в нас. Будут там, полагаю, песни, изобличающие тех, кто уничтожал невинных людей в лагерях, а теперь тоскует по тем временам, находясь на персональной пенсии. Там будут и «Облака» и «Жактовская псаловая», и «Заклание». Будет целый раздел, посвященный «развеванию» обывателя, с таким блистательным пиком, как «Баллада о прибовичной стоимости», например, или цикл «Клим Петрович Коломийцев в полный рост». Думаю, там будут и «Литераторские мостики» — скорбный рекем по Б. Пастернаку, А. Ахматовой, М. Зощенко, там, безусловно, займет почетное место и цикл о горестных женских судьбах.

Одним словом, все то, что острым скальпелем-мыслью способно содействовать отторжению гнилой, смертельно опасной опухоли из нашего социального организма, из нашего сознания, должно быть опубликовано с благодарностью к поэту. Известно, что за рубежом уже увидели свет достаточно подробные исследования творческого пути А. Галича, выдержанные в нескрываемо антисоветском духе. Пора бы и нам создать монографические труды о жизни и деятельности поэта, о его драматическом исходе, но в отличие и от зарубежных опусов, и от наших восторженно-бездумных публикаций — серьезная работа должна быть объективной по самой сути своей, то есть именно исследовательской, учитывающей по возможности все решающие факторы личности, среды, обстоятельств. Юрий АНДРЕЕВ, главный редактор «Библиотеки поэта».